

К вопросу о синхронизации основных составляющих синтезной контактной зоны (X–XI вв.)*

В.А. Арутюнова-Фиданян

Исследователь, намеревающийся заняться изучением любого из аспектов проблемы «Восточные границы Византийской империи», неизбежно столкнется с необходимостью хотя бы коротко остановиться на специфике содержания, вкладываемого в это понятие, поскольку византийская восточная граница никогда не представляла собой демаркационной линии, а являлась подвижной, динамичной структурой – подвижной, прежде всего, в смысле чисто географическом. Во второй половине X в. империя, потеснив главного соперника на Востоке – Арабский халифат, начала наступление на земли своих бывших союзников по борьбе с арабами – Армению и Грузию; одновременно императоры и полководцы Македонской династии завоевывали значительные территории Сирии и Киликии. А уже к концу XI в. под напором сельджуков Византия утратила все свои завоевания в Малой Азии, и граница империи отошла почти к Босфору. Только к середине XII в. Византии удалось остановить продвижение сельджуков и нанести им серьезные поражения. После битвы при Манцикерте (1071 г.) и до середины XII в. на бывших имперских землях утверждаются независимые армянские владетели, сельджуки и крестоносцы. Но и в период наибольшего расцвета могущества империи на Востоке (до середины XI в.) Византия не имела здесь стабильной границы. Имперские пограничные территории существовали в условиях постоянного противоборства с Халифатом, независимыми арабскими эмиратами и сельджуками.

Территориальной подвижности восточных провинций империи соответствовала и динамичность их социально-политической структуры.

* Работа выполнена в рамках проекта «Исторический опыт разрешения конфликтов в эпоху политогенеза (Компаративное исследование)» программы секции истории ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

В состав пограничных территорий Византии, помимо имперских военно-административных округов, больших и малых, входили владения полузависимых представителей восточной греческой аристократии, полузависимые армянские политические образования и арабские эмираты, признавшие сюзеренитет империи. На XIV конгрессе византиноведов в Бухаресте (1971), рассмотревшем на специальной секции широкий спектр проблем византийских восточных границ в VII–XII вв., впервые была признана необходимость структурно-функционального подхода к исследованию лимитрофной зоны на востоке Византии¹. По мнению отечественных исследователей, приграничные государственные образования не были явлением географическим (т. е. вызванным к жизни природными условиями византийского Востока, например, наличием здесь гористых местностей, ограничивающих коммуникации и благоприятствующих сепаратизму), так же как и не были связаны с этнической ситуацией, поскольку «византийская восточная граница постепенно перемещалась – от степей Приевфратья и Сирии через горы Кавказа и Тавра к плоскогорьям Галатии... но тем не менее неизменной была социально-политическая структура приграничных областей, остававшихся бахромой племенных княжеств подле централизованной и многоэтничной империи». Они предположили также, что специфику лимитрофных областей империи составляли более развитые, чем в метрополии, феодальные отношения, наличие крупных и самоуправляющихся городов, а также немногочисленные, но образцовые армии и что особая подвижная социальная структура на востоке империи (близкая к общественным порядкам Западной Европы) оказывала, возможно, постоянное влияние на Византию². С конца прошлого века проблема диалога между разными цивилизациями превратилась в одну из наиболее обсуждаемых³. Попытки создания типологии межцивилизационных контактов, конструирование их универсальной модели предпринимаются во всех областях гуманитарного

¹ XIV Congrès International des études byzantines. Bucarest, 1971. Rapports II. P. 7–101.

² Бартукян Р.М., Каждан А.П., Удальцова З.В. Социальная структура восточных границ Византийской империи // Actes du XIVe Congrès International des études byzantines. Bucarest, 1975. P. 231–235.

³ Проблематике «Византия: Идентичность, Образ, Влияние» был посвящен XIX Международный конгресс византинистов в Копенгагене (Byzantium. Identity, Image, Influence // XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 1996. Major Papers, Abstracts) и ряд докладов на XXI Международном конгрессе в Лондоне (2006) (Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 2006. Vol. I. Plenary Papers. P. 3–80; Vol. III. Abstracts. P. 3–71). Тема «Византия и мир вокруг нее» постоянно обсуждается на международных симпозиумах и конференциях. Появляются сборники статей, в том числе: Византия между Западом и Востоком / Ред. Г.Г. Литаврин. М., 1999; Чужое: Опыты преодоления / Ред. Р.М. Шукуров. М., 1999 и др.

знания, однако концептуальные исследования на эту тему в медиевистике вообще и в византиноведении, в частности, достаточно редки⁴.

В море литературы, посвященной межцивилизационным диалогам, совсем немного работ, исследующих проблему собственно «контактных зон»⁵. В первых исследованиях, посвящённых восточным округам империи, я традиционно воспринимала и соответственно именovala их «фемами», однако в ходе работы выяснились такие аспекты восточных византийских округов эпохи экспансии (X–XI вв.), которые заставили воспринимать их не как «фемы» и даже не как результат «кризиса фем», а как совершенно новую структуру.

Изучение армяно-халкидонитской общины, априорно рассматриваемой в науке как нечто второстепенное в среде и судьбе армянского этноса, обнаружило факты, опрокинувшие этот традиционный подход. Армяне-халкидониты обеспечивали, как выяснилось, непрерывные контакты Византии и Армении, Армении и Грузии и создавали особую культурную среду. Причем яркого расцвета армяно-халкидонитская культура достигла в X–XI вв. на территориях, вошедших в состав Византийской империи, где халкидонитство обрело статус официального церковного института.

И, наконец, исследование эволюции «образа Византии» в менталитете армянского средневекового общества показало парадоксально позитивное (для периода экспансии) отношение к Византийской империи, противоречащее традиционно негативной модификации образа империи в более поздней историографии. Все эти наблюдения привели к возникновению гипотезы о существовании особой общественной модели на этом пространстве и в это время. В результате была предложена новая концепция организации армяно-византийских лимитрофов, не слишком оригинально названная мною «армяно-византийской контактной зоной».

Лимес, лимитрофы, зона контакта, контактная зона – в историографии взаимозаменяемы, т. е. не имеют конкретного содержания. Объект исследования, таким образом, эпистемологически был недостаточно четко определен и требовал выработки концепции собственного понятийного аппарата, первоочередная задача исследования «контактной зоны» заключалась в том, чтобы придать этому понятию с размытой семантикой категориальную жесткость, и с этой точки зрения достаточно репрезентативный материал предоставляет исследование многовековых отношений Армении и

⁴ Шукуров Р.М. «Зона контакта». Проблемы межцивилизационных отношений в современной медиевистике // ВВ. 2000. Т. 59 (84). С. 258.

⁵ Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995; Арутюнова-Фиданян В.А. Контактные зоны: концепции и термины // Проблемы исторического познания. М., 2008. С. 154–159.

Восточно-Римской, позже Византийской, империи. Политические границы Армении и Византии всегда были нестабильны, а культурные – прозрачны.

Восточная экспансия Византии была отнюдь не сводимым к военным акциям, глубоким и сложным явлением, включавшим в себя политические, дипломатические, социальные, экономические и культурные аспекты. Результаты этого процесса разнообразно и глубоко сказались в разных областях жизни как Армении, так и Византии, приведя к образованию новой общественной модели: армяно-византийской синтезной контактной зоны, когда большая часть армянских земель входила в состав Византии.

Византийская Армения в X–XI вв. – это земли, где были: 1) общая с Византией территория, 2) общая государственность, 3) взаимодействие этносов, 4) культурное взаимодействие, и где, в результате, появились синтезные феномены в области политики, конфессии и культуры, способствовавшие расцвету материальной и духовной жизни обеих сторон.

«Контактная зона» – это не только и не столько территория контактов, но место возникновения синтезных феноменов, являющихся результатом не просто сосуществования и взаимовлияния, но взаимопроникновения культур⁶.

Конфессиональная и военная составляющие экспансии Византии на Восток отнюдь не были равномерны (идеологическое влияние империи началось гораздо раньше и длилось много дольше ее военного присутствия). Однако синхронное сочетание этих двух аспектов политического курса Византии на Востоке эффективно способствовало возникновению синтезной контактной зоны.

Для формирования контактной зоны нужно не только общее пространство, но и общее время. Для того чтобы появились синтезные феномены, необходимо, как минимум, несколько десятилетий взаимодействия и взаимовлияния культурных систем.

Из заглавия письма патриарха Фотия (862 г.) мы узнаем об армяно-ортодоксах (халкидонитах), живших в Тароне и Четвертой Армении⁷. Армяно-халкидониты (цаты) жили в Сирии и Южной Армении. Халкидониты были в Ани, Басене, Карине, Тайке и Кларджии. Влияние халкидонитов в Армении закономерно возросло в XI в., когда армянские земли вошли в состав Византии и когда в Сирию, Месопотамию, Каппадокию и Киликию

⁶ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994. О первом этапе синтезной контактной зоны в конце VI–VII вв. см.: Арутюнова-Фиданян В.А. «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004. С. 63–102.

⁷ Darrouzès J. Deux lettres inédites de Photios aux Arméniens // REB. 1971. T. 29.

стали переселять в широких масштабах представителей нехалкидонитского большинства армянского населения⁸.

В митрополию Трапезунда входили епархии: ὁ Χερσιάνων (Шариан), расположенная на реке Гайл к северо-западу от Саталы, ὁ Χαλίου (Келкит) – еще западнее по той же реке, ὁ Χαριάτζουρ, Σαρτζαμάτουρ (Сарчамадзор) – по р. Сарчам, на границе Карина и Чормайри, ὁ Παῖπερ (Баберд), ὁ Κερσιμέως, Κερσιανέως (Керчанис) – на одном из притоков р. Гайл к югу от Келкита, ὁ Λερίου (Лерион) – в долине реки Цанахо-дзор, в устье которой находится Триполи. Лерион, так же как и Баберд, расположен на путях из Армении к портам Черного моря: Триполи и Трапезунду. Епархия Мананали, охватывающая провинцию Мананали с Визаной, находится к востоку от Екелесены, ὁ Ζαρινάκων (Дзернак) – в Харке⁹, ὁ Μεσοῦρνῃ [Μεσοῦρνῃ] (Мцурн) у Доневанка – на севере Тарона, на р. Арацани¹⁰, ὁ Χαχαίου (Хах) – у Ерзнки¹¹, ὁ τό Χαβτζιτζιν (Хавчич), который расположен на пересечении дорог, ведущих из Аршамуника и из Маназкерта к Карину, на р. Аракс, близ населенного пункта Кюлли¹², ὁ τό Σερμάντζου – епархия у горы Серманц в области Хнуниса, к югу от епархии Хавчич¹³, ὁ τό Ὀλνούτης (Олнут) Еланц берд к северу от Еризы в Аршамунике¹⁴ у р. Гинек, притоке р. Арацани, ὁ Ἀνδάκων (Андак) расположен на р. Аракс, на границе между областями Басен и Авнуник¹⁵, ὁ Φασιανῆς (Даройнк) в Басене, на притоке р. Аракс, ὁ Σακάμου или ὁ Σακάβου (Сукавет) – севернее Валаршакерта и ὁ τό Χαντιέρτζ – локализовать эту епархию не удалось¹⁶.

Митрополия Екелесены и Тарона включала в себя 21 епархию¹⁷ ὁ Κортζηνης (Хордзен), область Хордзен, южнее Мананали, ὁ τοῦ Τάρων (Тарон), несомненно, находилась в провинции Тарон, но более конкретной ло-

⁸ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи. Ереван, 1980. С. 90–91.

⁹ Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1961. S. 54, 192–198. См. карту, составленную С.Т. Еремяном в кн.: Атлас Армянской ССР. Ереван; М., 1961. С. 105; Adontz N. Armenia in the period of Justinian. Lisbon, 1970. P. 45, 48, 49–53, 61–65, 67, 68, 73, 79, 80, 82, 109–111, 113, 117, 133, 137, 257 sq.; Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты. С. 92.

¹⁰ Карта С.Т. Еремяна «Тарон в древности и в средние века» в книге К.В. Айвазяна «История Тарона» и армянская литература IV–VII вв. Ереван, 1976.

¹¹ Adontz N. Armenia. P. 40, 201 x, 393 n. 1; 224*.

¹² Даниелян Э.Л. Цель и направление восточного похода Василия II в 1000 г. // ВОН. 1973. № 10. С. 69 (на арм. яз.).

¹³ Атлас. С. 105.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Даниелян Э.Л. Цель и направление. С. 69.

¹⁶ Может быть, Халтой-арич (Атлас. С. 105).

¹⁷ Honigmann E. Die Ostgrenze. S. 202–210. (Keltzene oder Kortzene und Taron).

кализации не поддается. С.Т. Еремян предполагает, что епархия дислоцировалась в районе Мелте, к югу от монастыря Сурб Карапет¹⁸. Епархия ὁ τοῦ Μοῦς находилась в Муше – центре Тарона, немного северо-восточнее Муша находился населенный пункт Хацек или Хацун, который, очевидно, следует отождествлять с епархией ὁ Χατζοῦν¹⁹. Епархия Ликопотамия включала в себя ту часть Месопотамии, которая находилась в междуречье верхнего течения Евфрата и реки Гайл (арм. gail (волк) – греч. λύκος). Епархия ὁ Μαστραβάτζ – возможно, монастырь Матнаванк у Аштишата²⁰, ὁ Χοῦιτ – это Хойт на юге Тарона, ὁ Ἀρμεντιτζουέρ, ὅτοι Λειψωνοῦαξ или τό Μαρμεντιτζουέρ (Мармеди джур), очевидно, епархия, расположенная по реке Мармеди-джур, впадающей в оз. Ван у его восточных берегов, севернее города Ван²¹, а епархия св. Николая расположена, очевидно, у монастыря Николая Чудотворца на северном берегу оз. Ван. Епархия св. Богородицы, возможно, находилась в г. Ван, епархия ὁ τοῦ Ἀγίου Ἐλισσαίου – в Нарেকে, к югу от оз. Ван. Епархии ὁ Τοπάρχου (ὁ Πάρχουδ), ὁ Ἀμβρός, ὁ Σεδρόκ, ὅτοι τὸς Θεοτόκου не поддаются точной локализации²². Епархии Манцикерта (Маназкерта), Арчеша, Арцке, Амюка, Беркри, Востана также входили в митрополию Екелесены и Тарона.

В диоцез Феодосиополя входили епархии²³: ὁ Ὁρтрός (ὁ Ὁρτου), Ордуру в области Басен по р. Мурц, притоку Аракса²⁴; τὸ Μαυρόκαστρον – буквальный перевод с армянского Севук бердак (Черная крепость) — локализуется в области Алори, которая расположена между Мардали и Агнуником²⁵; ἡ Ἀγία Μαρία – это Сурб Мари в Айрарате, расположенная на р. Аракс²⁶; Ταρούτσα, по остроумному прочтению Хонигмана, может быть, τὰ [Ἀρούτσα] или Аруч²⁷ севернее Валаршакерта; ἡ Μαξινούβη и ἡ Ἀξιέξη точной локализации не поддаются, ἡ Πολύτιμος Ἐ.Хонигман не локализу-

¹⁸ См. карту Тарона.

¹⁹ Adontz N. Armenia. P. 180, 248, 438 n. 37, 201 x.

²⁰ Thierry M. Notes de géographie historique sur le Vaspurakan // REB. 1976. T. 34. P. 162–163.

²¹ Ibid. P. 163–164.

²² Ср.: Ibid. P. 163, 167–168.

²³ Honigmann E. Die Ostgrenze. S. 214.

²⁴ Adontz N. Armenia. P. 383 n. 39, 459, n. 47.

²⁵ Э. Хонигман, основываясь на разночтении ὁ τοῦ Μαυρικίου в именовании епархии, ищет ее в аване Ширакашат (Honigmann E. Die Ostgrenze. S. 215).

²⁶ Ibid. S. 216. В Сурб Мари укрылся Саркис Хайказн, поднявший мятеж против Гагика II Анийского в 1041 г., по Аристакесу, Саркис «коварно умыслил передать все, чем он владел, под владычество ромеев и самому перейти к ним»: Повествование Аристакеса Ластивертци / Крит. текст подг. К.Н. Юзбашян. Ереван, 1963. С. 58 (на арм. яз). Очевидно, в халкидонитской епархии Саркис мог найти поддержку и возможности снестись с ромеями.

²⁷ Honigmann E. Die Ostgrenze. S. 217.

ет²⁸, но, возможно, это Базмахпюр (арм. «изобилующий источниками») в Мананали.

Митрополия Трапезунда и митрополия Екелесены и Тарона подчинялись Константинополю, епархии Феодосиополя – Антиохии. Антиохийский патриархат владел также в северном Тайке Панаскертом и Калмахом²⁹.

Небольшие халкидонитские епархии, иерархически зависимые от византийской церкви, густо покрывают Малую Армению, Тарон и смежные с ним области Месопотамии и Сирии, а также территории, принадлежавшие до 1000 г. Давиду Куропалату; халкидонитских епархий гораздо меньше в Центральной Армении (Багреванде, Шираке), а в Васпуракане они вообще ограничены побережьем оз. Ван. На землях Северо-Западной Армении, соседствующих с Византией, армяно-халкидонитские общины имели давние традиции, и халкидонитские епархии, равно как и связи с византийской церковью, были возобновлены во время движения Византии на восток, но в Васпуракане и в городах, принадлежавших кайситским эмирам, в Айрарате и Шираке, халкидонитские епархии могли появиться с присоединением этих земель к Византийской империи³⁰.

Армяно-халкидонитские епархии, возобновленные или вновь основанные во время экспансии Византии, дислоцировались на главных магистралях, идущих через Армению и соседние с ней малоазийские области, на путях торговли и войны. Они находились на водных магистралях (Шариан, Келкит – на р. Гайл, Лерион – на Цанахо-дзоре, Керчанис – на одном из притоков р. Гайл, Мцурн у Доневанка – в долине р. Арцани, Ликопотамия – между двумя реками Евфрат и Гайл, Даройнк – на притоке р. Аракс и т. п.), у горных перевалов (Хавчич, Серманц), в укрепленных крепостях (Баберд, Еланц берд, Севук бердак, Аруч, Амюк и т. п.), в городах – центрах торговли и ремесла (Ерзнка, Муш, Маназкерт, Арчеш, Арцке, Беркри, Ван, Вос-тан, Ани, Карс).

«Эскуриальский тактикон», составленный в 70-х гг. X в. (971–975)³¹, отражает продвижение Византии на Восток, начатое в середине этого столетия, когда, наряду с большими «ромейскими» фемами, на вновь завоеванных землях создаются малые, так называемые «армянские» окру-

²⁸ Ibid. S. 214–218.

²⁹ Ibid. S. 218–222; Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты. С. 90–95.

³⁰ Впрочем, Асолик рассказывает, что в 955 г. в Ани ученые вардапеты низложили католикоса Ваана Сюнеци за симпатии к халкидонитам, и он бежал в Васпуракан: Всеобщая история Степаноса Таронеци-Асолика / Изд. Ст. Малхасянц. СПб., 1885. С. 181–182 (на арм. яз). Этот факт иногда трактуется в историографии как наличие халкидонитской общины в Васпуракане.

³¹ *Oikonomidés N. L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe – XIe siècles et le Taktikon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès International des études Byzantines. P. 73.*

га, территория которых обычно ограничивается городом с прилегающей к нему округой. Вслед за византийскими наместниками больших военно-административных округов – Антиохии, Месопотамии, Халдии, Каппадокии, Колонии, Севастии, Тарона, Мелитины, Дерджана, Хордзена³² – в «Эскуриальском тактиконе» названы стратегии малых округов: Феодосиополя (Карина), Хавчича, Хойта, Мелте, Арцна³³.

В 976 г. Византия уступила Давиду Куропалату за помощь в разгроме мятежа Варды Склира в пожизненное владение Халтой-Арич с Клисурой (Брнакапан), Чормайри, Карин, Басен, Севук бердак, Харк и Апахуник. Все эти территории (за исключением Харка и Апахуника) составляли сплошной пояс, и К.Н. Юзбашян полагает, что земли между Карином и Чормайри, лежавшим несколько в стороне, также перешли к Давиду³⁴. В состав владений Давида вошли стратегии Арцн, Хавчич и Окоми (возможно, небольшая стратегия в области Басен)³⁵. Нетрудно заметить определенное совпадение географической карты византийских округов в Армении и смежных с ней областях в конце X в. с картой халкидонитских епархий того же региона. Еще более показателен маршрут похода Василия II на восток с целью принять во владения империи завещанные ей земли Давида Куропалата.

Из Хавчича император двинулся через Харк по пути, проходящему через епархии Серманц и Дзернак. Близ Дзернака (а может быть, в Хнунисе) произошла встреча императора ромеев с царем Абасом Карсским и царем Васпуракана Сенекеримом. Василий принял их с большим почетом, щедро одарил и «отпустил с миром»³⁶. Затем император «пересек Харк и Маназкерт и, используя их в качестве опоры, повернул на Багреванд»³⁷, расположился поблизости от Валаршакерта и стал ждать прибытия Гагика I Анийского (990–1017?)³⁸. Недалеко от Валаршакерта находилась халкидонитская епархия Сукавет, где, возможно, и был лагерь ромейских войск. Затем Василий отправился в г. Олти в Тайке, дорога из Валаршакерта на Олти проходила через Клисурь Авнуника на Андак, где также находилась халкидо-

³² Listes de présence byzantines des IXe et Xe siècles / Introd., texte, traduction et commentaire par N. Oikonomidès. Paris, 1972. P. 263, 28–30; 265, 5, 7, 8, 20–21; 267, 12, 17.

³³ Ibid. P. 265, 19; 267, 30; 269, 6, 10, 13.

³⁴ Юзбашян К.Н. «Эскуриальский тактикон» – новый византийский источник по истории Армении // ВОН. 1975. № 5. С. 96.

³⁵ Там же. С. 96–97.

³⁶ Всеобщая история Степаноса Таронечи-Асолика. С. 277; Даниелян Э. Цель и направление. С. 72.

³⁷ Повествование Аристакеся Ластивертци. С. 24.

³⁸ Всеобщая история Степаноса Таронечи-Асолика. С. 277–278. Годы правления Гагика I дебатировались в историографии.

нитская епархия, а оттуда, минуя епархию Даройнк в Басене, император прибыл в Олти³⁹. Линия, проведенная на карте через расположение халкидонитских епархий Северной Сирии, Тарона, Харка, Апахуника, Багреванда и Басена, и графическое изображение пути Василия II почти полностью совпадают, что демонстрирует роль халкидонитских епархий как опорных пунктов византийского движения на Восток и также с удивительной наглядностью очерчивает границы византийских военно-административных округов, появившихся в начале X – сер. XI в. на территории Армении и в соседних регионах⁴⁰.

Непременным условием возникновения синтезной контактной зоны – новой общественной модели в лимитрофных областях двух стран, – очевидно, является синхронизация базовых составляющих взаимодействия этносов и культур: военно-политической, социально-административной и идеологической.

³⁹ Даниелян Э.Л. Цель и направление. С. 73; Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты. С. 100–102.

⁴⁰ Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона. С. 26–39; Она же. Контактные зоны: концепции и термины. С. 159–171.

Arnarvatnsheiði and the Space for Outlaws

Joonas Ahola

Landscape is constantly present, with a visible role, in saga narration. Events do not simply take place, they take place in places. Exact geographical locations significantly contribute to the tight attachment of events to history which is a central feature of saga literature. In this article, I attempt to locate the windswept heath Arnarvatnsheiði within the spatial conceptions of Icelanders who both produced and served as implied audience for saga literature in the thirteenth and fourteenth century. I will discuss whether the narrative point of view within these conceptions can tell us something about the contexts of narrating behind the accounts in a saga.

The landscape that is described and used as setting in sagas is a landscape full of meanings. A particular location in the landscape becomes a place through people's interaction with it: through praxis and through narratives¹. A setting in a saga is understandable when it is related in conjunction with experiences in the concrete location, and for a person to whom sagas are personally meaningful narratives, a place that one comes across on a journey in Iceland deepens in meaning when its role in a saga is realised². A spot in a landscape may also express polysemic meanings of place for different users³ as will be seen.

¹ Rodman M. Empowering Place: Multilocality and Multivocality // *Anthropology of Space and Place. Locating culture* / S. Low and D. Lawrence-Zúñiga. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. P. 207.

² The importance of narrative to the signification of a place is discussed in: Siikala J. and Siikala A-L. *Return to Culture. Oral Tradition and Society in the Southern Cook Islands*. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2005. P. 112–130; Basso K. «Speaking with names»: Language and Landscape among the Western Apache // *Cultural Anthropology*. 1988. Vol. 3 (2). P. 99–130; Casey Ed. *How to Get from Space to Place in a Fairly Short Stretch of Time: Phenomenological Prolegomena* // *Senses of Place* / Ed. St. Feld, K. Basso. Santa Fe: School of American Research Press, 1996. P. 13–52; Fernandez J. *Emergence and Convergence in Some African Sacred Places* // *Anthropology of Space and Place*. P. 187–201.

³ Rodman M. *Empowering Place*. P. 212.

Place is the realisation or recognition of an abstract spatial idea. Spatial categories and conceptions find their expression in place and enable the experience of place. On the other hand, places are prerequisite to, and reaffirm, spatial conceptions. J.E. Malpas points out that not only experience of place but also experience in general happens in a given place that at least contributes to it: the abstract levels of spatial conceptions necessarily spring from and are based on experience of place⁴. In saga narration, spatial conceptions are expressed as concrete locations.

Eleazar Meletinsky points out two spatial categories or subsystems in Scandinavian mythology, one oriented vertically and the other horizontally. In the spirit of Levi-Straussian structural dichotomy, he divided the horizontal category into the binary opposites familiar – foreign, and more generally, centre – periphery, manifested in the distinct mythical realms «Midgard» and «Útgard»⁵. The role of this distinction as a spatial category, manifested in other spheres of meaning in addition to myth, was simultaneously recognised by Aaron Gurevich: «The contrast made between *Miðgarðr* and *Útgardr* finds a parallel in the distinction made in Scandinavian law between two categories of land – «within the enclosure» (*innangarðz*) and “outside the enclosure” (*útangarðz*)»⁶.

Kirsten Hastrup⁷ argues that the distinction between these mythical spatial categories, *Miðgarðr* and *Útgardr* and their conceptual counterparts *innangarðs* and *útangarðs*, functioned through different layers of the medieval Icelandic culture as «general models for social (and cosmological) conception»⁸ and she concludes: «This model so fitted Icelandic social and spatial realities that each level of reality affirmed the others to an astonishing degree»⁹.

Margaret Clunies Ross abandoned such conceptual binaries and expanded the mythological source material beyond writings of Snorri¹⁰. Approaching the issue from a social point of view, she stresses that the inhabitants of Ásgarðr and Jötunheim are not fundamentally different – their ancestors belong to the same groups and they are attributed with similar social systems – but they «are defined

⁴ Malpas J.E. Place and Experience: a Philosophical Topography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 16, 142.

⁵ Meletinsky E. Scandinavian Mythology as a System // Journal of Symbolic Anthropology. 1973. Vol. 1. P. 46–47.

⁶ Gurevich A. Categories of Medieval Culture. London: Routledge & Kegan Paul, 1985 (1972). P. 47.

⁷ Hastrup K. Culture and History in Medieval Iceland. Oxford: Clarendon Press, 1985.

⁸ Ibid. P. 146.

⁹ Ibid. P. 148.

¹⁰ Clunies Ross M. Prolonged Echoes. Old Norse Myths in Medieval Northern Society. Odense: Odense University Press, 1994. Vol. 1: The Myths. P. 51–52, 252.

as other and hostile by the gods who are their own biological kin as part of a strategy to keep the giants in a subordinate social position»¹¹. She describes the following cosmological model as a «series of territories belonging to different classes of beings arranged like a series of concentric half-circles»¹². The ambiguous realm of Útgarðar appears to be beyond the field of struggle of these two enemies. She suggests that the inhabitants of Útgarðar (Útgarða-Loki, Miðgarðsormr, etc.) are personifications of natural forces rather than beings evaluable by social measure, and thus beings of another class¹³. In the second volume of her study, M. Clunies Ross argued that these mythic schemas reflected conceptions about the world around as one mode of expression, and that thus, they were «as much a part of the whole as other modes of constructing a world view»¹⁴.

Unlike mythical events, events in saga narration take place in real or at least realistic settings. Lars Lönnroth¹⁵, notably before the contributions of K. Hastrup and M. Clunies Ross, described the spatial categorisation of the world as it is depicted in saga literature in a form of concentric circles that proceeded topographically away from homes of the heroes, and notices that marvels similar to those met abroad are met in Iceland as well: «These marvels all belong, in a sense, and regardless of their geographical location, to that outer circle at the periphery of the saga world»¹⁶. Spatial domains are constituted by boundaries between them. In a narrative, these boundaries become visible through mobility and this emphasises journey as a subject of narrative study of space¹⁷. In the following discussion, I will first introduce Arnarvatnsheiði as described in the thirteenth and fourteenth centuries sources and then proceed to discuss individual saga passages in which Arnarvatnsheiði serves as settings, destination and place of departure for narrative personages who as a group are strongly associated with the area, namely outlaws.

¹¹ Ibid. P. 66.

¹² Ibid. P. 51.

¹³ Ibid. P. 50–54.

¹⁴ Clunies Ross M. *Prolonged Echoes*. 1998. Vol. 2: *The Reception of Norse Myths in Medieval Iceland*. P. 27.

¹⁵ Lönnroth L. *Njáls saga: a Critical Introduction*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1976. P. 57–58.

¹⁶ Ibid. P. 58.

¹⁷ van Leeuwen R. *Thousand and One Nights: Space, Travel and Transformation*. Abingdon; Oxon: Routledge, 2007. P. 15–16.

Arnarvatnsheiði in the time of saga writing

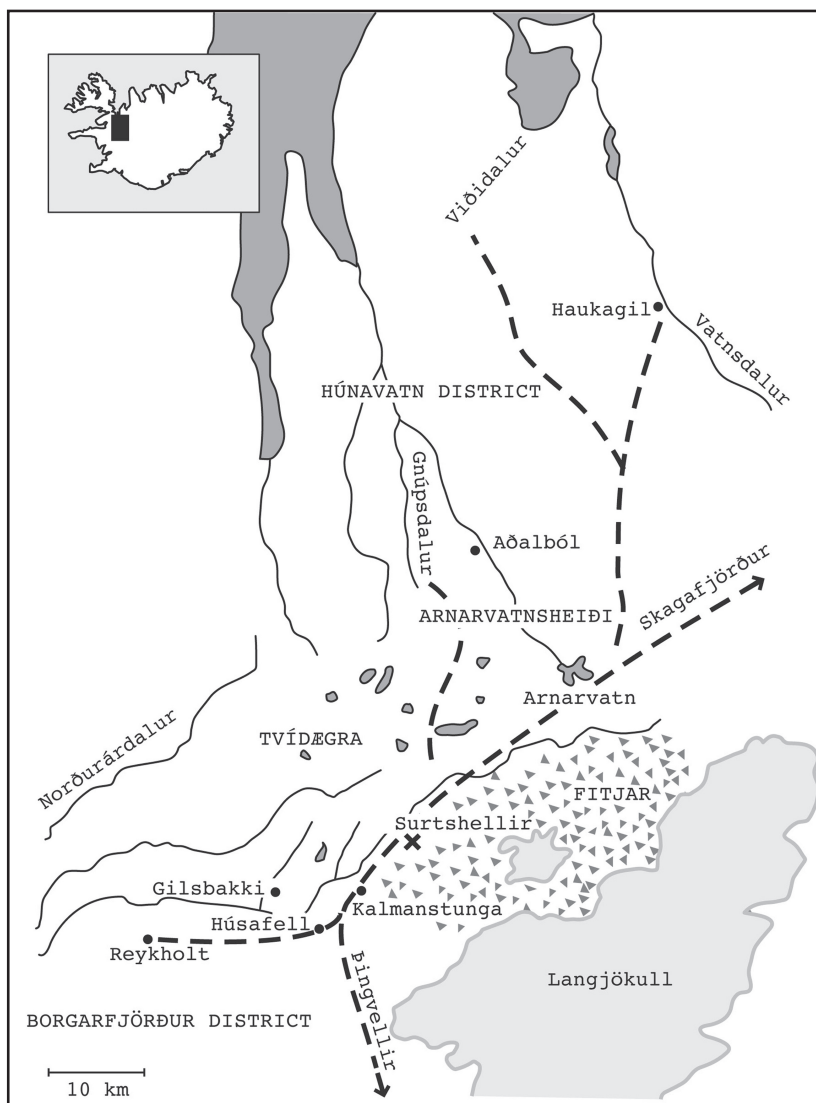

Fig. 1: Communication across Arnarvatnsheiði in the 13th century¹⁸. Graphics: Jarkko Sirkkiä.

Arnarvatnsheiði is a heath which is broken by numerous brooks, lakes and ponds. It has been named after the biggest lake in the area, Arnarvatn. The heath

¹⁸ Sources: Sturlunga saga; Örn H. Bjarnason. *Gamlar götur i Vestur-Húnavatnssýslu* // Heimildir best. 2002. Vol. 52 (6). P. 254–257.

lies above the valleys south from Hrótafjörður and Miðfjörður and is bordered on the south side by Langjökull and Eiríksjökull, and to river Norðlingafjót. To the west it is bordered by Norðurárdalur. The western part of the area is called Tvídægja.

Churches, and hence evidently also farmers, of both Borgarfjörður and Húnavatn districts had property and interests in Arnarvatnsheiði in the time of saga writing¹⁹. The area was significant for sheep pasturing, which is indicated for instance in the fourteenth century church inventory lists²⁰. Sheep herders moved along the valleys that probably served as herding corridors. The numerous small lakes and ponds that dot Arnarvatnsheiði are referred to in sagas under the general name Fiskivötn. Even though these waters otherwise were divided between Borgarfjörður and Húnavatn districts roughly along the watershed, the men from the two areas met at the lake Arnarvatn. Aðalból had fishing rights in Arnarvatn but part of the rights to fishing were given to the church of Húsafell, perhaps already in the Middle Ages²¹. According to church inventory lists, the church of Gnúpur had the right to have two fishing hooks in the water²². The fact that such right was considered worth listing testifies to the value of Arnarvatn as a fishing lake. Besides fishing, the lakes and rivers were important for bird hunting²³.

Already in the Commonwealth period, Arnarvatnsheiði was at the border between Western and Northern Quarters, and routes that connected the Northern Quarter to the Southern crossed the heath. The name Tvídægja would stand for the part of Arnarvatnsheiði that was a common area to cross between the districts of Húnavatn and Borgarfjörður, and it took (or on an occasion had taken) two days to cross it²⁴. Sturlunga saga gives accounts of its crossing, which is described as highly risky due to weather conditions in the winter time²⁵. The road south

¹⁹ This division is indicated already in «Landnámabók» (Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út // ÍF. 1986. B. I. Bls. 81–86).

²⁰ Grímtunga and Ásgeirsár, located north of the heath: Diplomatarium Islandicum. Íslenzk Fornbréfasafn. Kaupmannahöfn: Hið Íslenzka bókmentafélagi, 1888–1893 (further – Dipl. Isl.). B. II. P. 477–479; and still in 1360: Dipl. Isl. 1890–1896. B. III. Bls. 162; and a sales contract of the farm Efri-Núpr in Gnúpsdalur in 1448: Dipl. Isl. 1895–1897. B. IV. Bls. 747–749. The church of Reykholt owned rights to the common pasture in Hrótatunga north of Tvídægja: Dipl. Isl. B. III. Bls. 123.

²¹ *Matthías Þórðarson*. Tveir Grettisbústaðir // Árbók Hins íslenzka fornleifafélags. 1936. B. 45. Bls. 55.

²² Dipl. Isl. 1890–1896. B. III. Bls. 165.

²³ In 1306, the church of Gilsbakki had carefully listed its significant rights to fishing and birdhunting in western Tvídægja: Dipl. Isl. II. Bls. 358–359.

²⁴ According to «Heiðarvíga saga» (ch. 24), the name Tvídægja originates from the night spent there by Barði's men on their way south from Gnúpsdalr to fight the men of Borgarfjörður. The battles that gave the saga its title took place on the heath.

²⁵ Cf. accounts in «Þórðar saga kakala» (Sturlunga saga / Rittstjóri Örnólfur Thorsson. Reykjavík: Svart á hvítu, 1988. B. II. Bls. 477) and «Þorgils saga skarða» (Ibid. Bls. 603–604).

along Gnúpsdalr is called Gnúpsdælagata already in a document from 1306²⁶. The other valleys south from Húnavatn could serve as routes to the heath as well. Another route across Arnarvatnsheiði went from Kalmanstunga to Arnarvatn and from there one route continued north to Viðidalr and Vatnsdalr whereas another headed eastwards across the heath towards Skagafjörður²⁷. The drastic difference between passability of Arnarvatnsheiði in winter and summer becomes evident in the sources. The route to Alþing from the western parts of the Northern quarter, in annual use, went here which was enabled by favorable conditions in summer. However, in the winter, the roads were rather empty.

Arnarvatnsheiði is associated strongly with outlaws in saga literature. «Harðar saga» (ch. 33)²⁸ tells how an outlaw named Þorgeirr gyðilskeggr escaped with six others to Arnarvatnsheiði from an ambush which had been prepared to the outlaws by Hörður Grímkelsson. He stayed in a cave in Fitjar and gathered a band around him. Later he was attacked and driven away to Strandir. «Landnámabók»²⁹ tells about a troop called *hellismenn* (“cavemen”) who were attacked and destroyed in Hellisfitjar³⁰ and that a man called Torfi Valbrandsson participated in the killings of both Hörður’s hólmerjar and of *hellismenn*, which would indicate that the *hellismenn* were bandits similar to the outlaws in «Harðar saga».

These *hellismenn* are familiar from a folktale published by Jón Arnarson³¹ and from a saga called «Hellismanna saga», written around 1850 by Gísli Konráðsson, a self-educated man from Skagafjörður, who based his work mainly on «Landnámabók» and local historical lore³². The stories tell about a troop of men who were outlawed and who dwelled in Surtshellir. The stories attribute numerous place-names in Arnarvatnsheiði to locations where these outlaws were killed.

«Vatnsdæla saga» (ch. 41)³³ tells that there were troops of bandits across the country in the 10th century, and that one such troop attacked the farm Haukagil in Vatnsdalur. The bandits were pursued to a hut in eastern Arnarvatnsheiði and a nearby cave is presented in the saga as the location of their last stand.

According to «Grettis saga»³⁴, Sturla lögsögumaðr advised Grettir to refrain from robbery, and Grettir’s friend Grímr Þórhallsson, who lived at Gilsbakki,

²⁶ Dipl. Isl. B. II. Bls. 359.

²⁷ Cf. accounts in «Þorgils saga skarða» (Sturlunga saga. B. II. Bls. 689–690) and «Þórðar saga kakala» (Ibid. Bls. 493).

²⁸ Harðar saga // ÍF. 1991. B. XIII / Þórhallur Vilmundarson & Bjarni Vilhjálmsson gáfu út.

²⁹ Landnámabók. Bls. 75.

³⁰ Also called Fitjar (I use this name on the map because of shortness: fig. 1). On modern maps it is called Hallmundarhraun.

³¹ Jón Arnason. Íslenzkar þjóðsögur og ævintýri. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1864. Bd. 2. Bls. 300–304.

³² Guðni Jónsson. Íslendinga sögur. Bls. ix–x.

³³ Vatnsdæla saga // ÍF. 1938. B. VIII / Einar Ól. Sveinsson gaf út.

³⁴ Grettis saga // ÍF. 1964. B. VII / Guðni Jónsson gaf út.

advised him to withdraw to Fiskivötn in Arnarvatnsheiði (ch. 54). Grettir made a hut «sem enn sér merki». He stayed there for three winters, accompanied by unreliable fellow outlaws (ch. 55–57). Before moving to Arnarvatnsheiði Grettir had lived on robbing travelers on Keilir and there encountered a man later identified as Hallmundr who proved himself stronger than Grettir. After Grettir had been dwelling in Arnarvatnsheiði for two winters, Hallmundr appeared and helped him defend himself against a large force. After their successful defense, Hallmundr invited Grettir to his cave which was located some distance away from Grettir's hut (ñh. 54, 57).

In his death poem «Hallmundarkviða» (ch. 62)³⁵, Hallmundr tells about his encounters with Grettir, and thus the saga establishes a firm relationship between Hallmundr and Grettir. In the last part of the poem, Hallmundr boasts of successful encounters with numerous kinds of creatures, from giants, trolls and half-trolls to elves. This part of «Hallmundarkviða» is connected with a praise poem Grettir recited about Hallmundr earlier in the saga as well as to a curious poem in «Bergbúa þátrr»³⁶. Both this 12 stanzas long poem and «Hallmundarkviða» in «Grettis saga» give a similarly mixed impression of the narrative voice of the mountain-dweller as a giant-slayer and a friend of humans but none whatsoever as a being who lives underground where the trolls dwell, as a being who lives beyond the space occupied by people and by outlaws and who traverses in spheres still beyond his. Hallmundr appears in «Bárðar saga Snæfellsáss» (ch. 9)³⁷ among the guests of the title hero Bárðr who has lineage among giants. Hallmundr is equated with Bárðr. This saga, which is later than «Grettis saga» or «Bergbúa þátrr»³⁸, represents a deviation among the troll-like beings who inhabited the wild interior of Iceland. Bárðr and his son Gestr, in spite of being mountain-dwellers of giant lineage, were land-cleansers and protectors of men in their realm, i.e. in the mountains and at the sea. Ármann Jakobsson³⁹ divides the different kinds of beings of the wilderness in «Bárðar saga» into the good and handsome giants and the evil and dangerous trolls. Bárðr and other giant-like beings personified the same idea of an intermediary between men and the hostile forces of nature as is expressed in «Hallmundarkviða» and the poem in «Bergbúa þátrr».

Two sagas tell about adventures of an outlaw called Grímr Helgason in Arnarvatnsheiði. These accounts will be treated in more detail below. They will serve as examples for the discussion of spatial conceptions of the heath. «Grettis

³⁵ Hallmundarkviða // Grettis saga, ch. 62.

³⁶ Bergbúa þátrr // ÍF. B. XIII.

³⁷ Bárðar saga Snæfellsáss // ÍF. B. XIII.

³⁸ Þórhallur Vilmundarson // ÍF. B. XIII. Bls. xcix.

³⁹ Ármann Jakobsson. The Good, the Bad, and the Ugly: *Bárðar saga* and Its Giants // *Medieval Scandinavia*. 2005. Vol. 15. P. 1–15.

saga» (ch. 62) tells that after Grettir had left Arnarvatnsheiði and Hallmundr's cave, Grímr appeared in Grettir's hut. Hallmundr unsuccessfully attempted to eject him. «Laxdæla saga»⁴⁰ (ch. 57–58) tells how Grímr got outlawed and hid in Tvídægra, and how a man called Þorkell Eyjólfsson attempted to kill him. Grímr proved victorious in their encounter but he spared Þorkell's life and they descended from the heath together.

Space for outlaws

In «Grágás», outlawry is defined through negation. A person sentenced to outlawry wholly lost his social standing and his property. Additionally, he was made *óhelgi* «desanctified», which meant that he was stripped of legal rights to personal security and was not to be supported, transported, or helped in any way (*óælan, óferjanda, óráðandi öll bjargráð*)⁴¹. In other words, an outlaw was «dehumanised» in all social senses. The space for outlaws was defined in law through negation: they were excluded from any help from the members of the society, which consequently delimited the available space in which they could stay without exposing supporters to the legal consequences of aiding and abetting an outlaw, i. e. to outlawry.

The principle of outlawry, banishing the condemned into solitude in the wilderness, is seldom fully realized in the sagas of the Icelanders. This is partly explained by narrative prerequisites of sagas since the subject matter discussed in them needed to be relevant to the in-group society (and the implied audience of the saga) to deserve address in narration – and an outlaw, who was never seen or heard from again, hardly qualified. Outlaws who appear in sagas attempt to remain outside the reach of their pursuers but need to retain contact with other members of the society.

However, expelled from the society, outlaws joined and were associated with supernatural beings who were believed to throng the vast interior⁴². By identifying the law with the society, Kirsten Hastrup argues that outlawry can be considered expulsion from society, into the «wild»: into the categorically «other», which «...was all over the physical space, yet it formed a distinct “space”, inhabited by distinct categories of non-social beings»⁴³. Those who managed to survive were seen as men who were at home in the wilderness.

⁴⁰ Laxdæla saga // ÍF. 1934. B. V / Einar Ólafur Sveinsson gaf út.

⁴¹ Grágás. Lagasafn íslenska þjóðveldisins / Gunnar Karlsson, Kristján Sveinsson, Möður Árnason sáu um útgáfuna. Reykjavík: Mál og menning, 1992. Bls. 139.

⁴² Hastrup K. Culture and History. P. 143, see esp. note 4.

⁴³ Ibid. P. 144.

Grímr Helguson in «Laxdæla saga»

Grímr, the son of Helga, is such a man of the «wild» in «Laxdæla saga» (ch. 57–58). The saga tells that Grímr was outlawed for killing the son of a man named Eiðr and that he was hiding in the mountains. Þorkell Eyjólfsson was a wealthy tradesman but lacked reputation in Iceland. He took the errand of avenging as Eiðr's relative. Grímr's extraordinary essence becomes evident when Eiðr warns him of meeting «a man with gigantic strength (*heljarmaðr*)»⁴⁴ such as Grímr» and provides Þorkell with the magical sword *Sköfnungr* that once had belonged to king Hrólfr Kraki⁴⁵. The appearance and physical strength of Grímr naturally corresponded with expectations of a man who could survive in the harsh conditions of the interior, but these features simultaneously associated him with trolls. Eiðr directed him to Fiskivötn in Tvidægri to find Grímr. The «long way» Þorkell rode into the heath detached him from the everyday social and societal mechanisms and makes a transition to a sphere where extraordinary things happen. He saw a large man fishing by a lake and attempted to attack him from behind. Grímr wore a hooded cloak that is a stereotypical costume of outlaws. It must have been a practical piece of clothing but it connotes hidden potential with reference to the mysterious and unpredictable figure of god Óðinn. Grímr became aware of him in time and, as expected, forced him to fall, suffering only a minor wound himself. Grímr decided to spare Þorkell's life, though, because «his destiny was not to die now». In exchange for his life, Þorkell healed the wound he had caused Grímr and took him with him. A killer and his target can become friends only in such extraordinary circumstances. Grímr's luck, which is emphasised by its repetitive articulation, fixes his destiny and gives him an upper hand against any assaults, thus making him superior to other mortals in a way which does not obey the rules of causality. Snorri goði advised Þorkell to travel to Norway while Snorri arranged his marriage with Guðrún Ósvífsdóttir. Þorkell followed this advice and took Grímr with him. Grímr became a mighty man in Norway, and Þorkell gained fame for the events.

Grímr Helguson serves the narrative plan of «Laxdæla saga» in three primary ways. First, he provides Þorkell an opportunity to prove his worthiness as a target to his attempt of revenge. Secondly, his helping was an excuse to send Þorkell to Norway while Snorri goði could fulfil his scheme to prepare the ground for Þorkell's and Guðrún's marriage. And thirdly, the passage prefigures a later scene in which Guðrún forces Þorkell to shelter and save her relative Gunnarr, an

⁴⁴ The expression *heljarmaðr*, literally «a man of Hel, i.e. death», implicitly has otherworldly connotations.

⁴⁵ On the histories of the famous sword *Sköfnungr*, see Hrólfs saga Kraka, Ch. 45, 50, 52; Þórðar saga hreðu, Ch. 10, 12; Fljótsdæla saga, Ch. 21; Kormáks saga, Ch. 9; Laxdæla, Ch 78; Landnámabók. Bls. 212.

outlaw Þorkell had vowed to kill (like he had vowed to kill Grímr), before their wedding could take place⁴⁶. Read in the sense K. Hastrup provides, Þorkell's journey to kill Grímr can be seen in a similar spirit as in mythological texts the thunder god Þórr travels to Jötunheimar in order to hunt down giants.

Grímr Helguson in «Grettis saga»

Grímr Helguson appears in «Grettis saga» (ch. 62) as well. Heroic feats of an individual are the subject matter of «Grettis saga», and Grettir takes the scope with him wherever he goes. When he stays in Arnarvatnsheiði, it becomes the narrative centre, and this holds true still when Grettir has moved away and another outlaw comes to his place.

The passage describes how Grímr took lodgings in Grettir's hut. He got huge draughts of fish but the catch was stolen two nights in a row. The third night, Grímr kept watch over his catch and in the night he saw a huge man collect his fish into a big basket on his back. Grímr struck the man on the neck with his axe and the man jumped up and ran away with the basket. Grímr followed him to a cave under a glacier. This cave was the cave of Hallmundr, with whom Grettir had become friends earlier in the saga.

Hallmundr died and Grímr stepped in and stayed with Hallmundr's «tall but shapely» daughter for a few nights. Then he moved back to the hut and stayed there for the winter. By way of conclusion, the saga makes a short summary of the events told in «Laxdæla saga» (ch. 57–58).

Grímr set up a home on the heath: he has a house, and even if the boat broke earlier, he makes the living by honorable labor like any farmer. The threat to Grímr's livelihood comes from «outside». Grímr is an outlaw and «outsider» in the discourse of «Laxdæla saga», yet he is harassed here by a being who is conceptually associated with him as «other» just like he is «other» to the people down by Hvammsfjörður. Grímr's movement to Hallmundr's cave, from the heath to «under the glacier», can be seen as movement further out, to another «circle» in the terms of L. Lönnroth or M. Clunies Ross. He nonetheless feels sufficiently at home in that circle to spend nights with Hallmundr's daughter. By managing to overcome the being who proved stronger than Grettir and by receiving Hallmundr's acceptance in his last words, Grímr became a mythic outlaw approaching the proportions of Grettir. The presentation of this character as competing with Grettir's status as a hero stands in stark contrast to the rest of the saga. «Grettis saga» makes a reference to a «wide saga» about Grímr, and Grímr is present in both sagas in a relatively significant role compared to his functional significance in the overall

⁴⁶ Laxdæla saga. Ch. 69.

plot of these sagas. This implies that there were external reasons to include him. A good guess would be a strong narrative tradition in which he appeared, at least by the time «Grettis saga» was written, whether this tradition was ever realised in the form of a written saga or only prevailed in oral delivery⁴⁷.

Conclusion

The heath that consists of the overlapping areas of Arnarvatnsheiði and Tvídægri was strongly associated with outlaws in saga literature, as well as in later oral traditions⁴⁸. «Vatnsdæla saga» and «Laxdæla saga» focus on social and political events in the respective areas. These sagas present the heath and its asocial inhabitants as representatives of otherness that follow the model of K. Hasstrup and categorically parallel Jötunheim's relationship to Ásgarðr in mythological texts. However, as the focus moves to Arnarvatnsheiði with the heroes in «Grettis saga», this periphery turns into a narrative centre. The saga heroes are introduced to Hallmundr who comes from outside their sphere of experience, from what could be called another spatial circle in the terms of M. Clunies Ross. When the focus of narration moves to Hallmundr's lair, we learn of spatial circles still further out.

Arnarvatnsheiði was a relatively remote but regularly traversed, although a vast area: as a setting, it was a periphery but a familiar one. It was potentially dangerous for solitary travelers because help could hardly be expected in case of emergency. The immanent fear was materialized, personified in outlaws. Outlaws provided a basis for fear, or at least suspicion, by their desperate position which no doubt led occasionally to tragedies that were reluctant to abandon collective memory and were retained in narrative tradition.

Arnarvatnsheiði was not outside the mechanisms of settlement and society, yet it was a threshold. It was a frontier between quarters, a route between them, and spatially, it was also a frontier between civilization and wilderness proper, as the most hostile levels of Iceland's interior were still beyond it. In addition, it stood within people's experience as a hunting ground and with waters for fishing, and was crossed by regularly used roads. Important landmarks were named and it can be expected that narratives connected to the area were attached to particular

⁴⁷ Reference to a «saga» in saga texts does not necessarily mean a written saga but can stand for biographical lore, as R. Kellogg has shown (*Kellogg R. What is a Saga? // Sagnaþing helgað Jónasi Kristjánssyni sjötugum* 10. Apríl 1994. Reykjavík: Hið Íslenska bókmenntafélag, 1994. Bls. 497–503). See also: *Gísli Sigurðsson. Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition: a Discourse on Method*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 2004.

⁴⁸ Cf.: *Ólafur Briem. Útilegumenn og auðar tóttir*. Reykjavík: Bókaútgáfa menningarsjóðs, 1983. Bls. 38–50.

places. Saga narratives tend to be strongly attached to particular locations, even if the saga author was not familiar with those locations which his subject matter addressed. Places described in sagas and other historical traditions were bridges between the past and the present. Landmarks may work as mnemonics for narratives and perhaps even initiate them. At the time of saga writing, groups of men from different districts came together in Arnarvatnsheiði. The lake Arnarvatn stands at a junction of roads in the middle of the heath, as well as being a fishing lake shared by men from two districts. It seems only natural that later tradition, as evident in place names, located Grettir's hut by Arnarvatn out of all the possible lakes in the area.

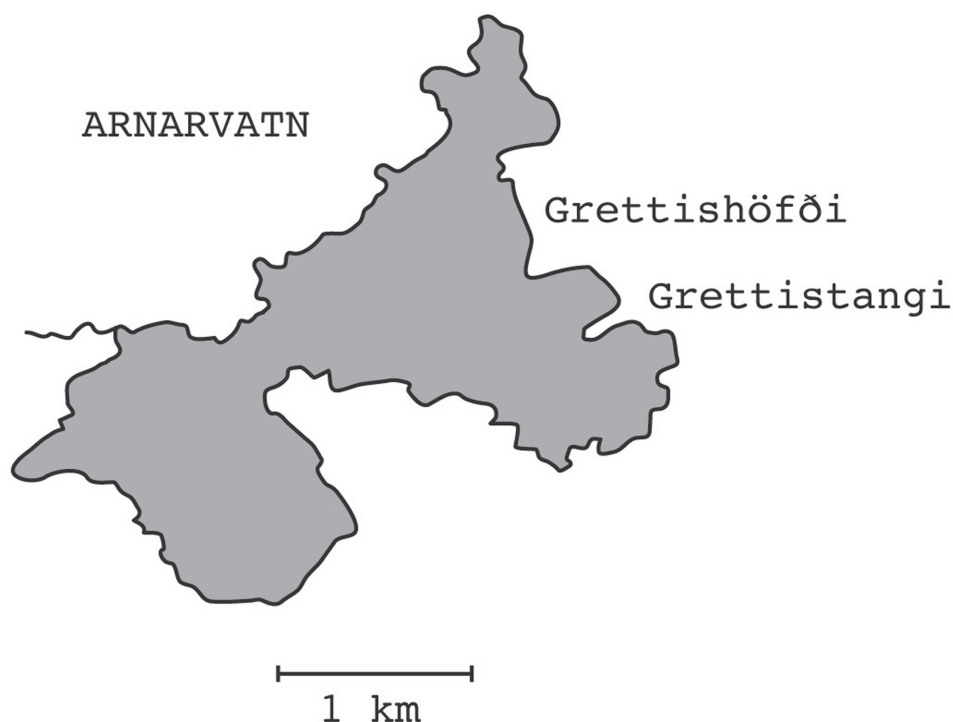

Fig. 2: Arnarvatn⁴⁹. Graphics: Jarkko Sirkkiä

«Grettis saga» consists largely of diverse narratives about Grettir's adventures that were in all probability first transmitted orally. (On occasions, the saga even mentions different variants of given tales.) It is within the limits of possibility that Grímr could challenge Grettir as a hero because he had origins in different local

⁴⁹ Source: *Matthías Þórðarson*. Tveir Grettisbústaðir.

traditions that nonetheless converged in one saga – like men from different districts met by Arnarvatn. The place brought together the functionally conflicting narrative figures.

From this point of view, Hallmundr appears from «outside» as a threat to the outlaws. K. Hastrup's argument that «outlaws and supernatural beings were coinhabitants of “the wild”»⁵⁰ does not seem fully descriptive of this situation, in spite of the fact that she bases her argument largely on «Grettis saga». Outlaws dragged associations with other creatures of the wilderness with them wherever they appeared, and they encouraged movement across the thresholds into spheres beyond their own, describable also as spatial circles. The distinction *inni* / *úti* seems best understood as a general, relative distinction which is dependent on narrative perspective. When a mountain ridge is achieved, there is always another beyond, however long we may quest for the horizon.

⁵⁰ *Hastrup K.* Tracing Tradition – an Anthropological Perspective on *Grettis saga Ásmundarsonar* // *Island of Anthropology* / Ed. K. Hastrup. Odense: Odense University Press, 1990. P. 144.